

Курбанова Л. К.,
кандидат філологічних наук, ведучий научний співробітник відділу
індоевропейських мов Інституту мовознавства
Національної академії наук Азербайджана

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы психологии языка, разрабатываемые на протяжении последнего столетия. В частности, анализируются идеи Н. Хомского об изучении языка как естественного объекта, когнитивной способности, которая является частью биологического запаса нашего вида, физически представленного в мозге человека и доступного для изучения в рамках руководящих принципов естественных наук. В этой перспективе, введенной ранними трудами Хомского, а затем развитой растущим научным сообществом, теоретическая лингвистика внесла решающий вклад в инициирование и формирование так называемой когнитивной революции во второй половине XX века.

Ключевые слова: контрастное языкознание, порождающая грамматика, психология, нижняя сфера, верхняя сфера.

Постановка проблемы. Контрастивный анализ был первой крупной теорией, касающейся взаимосвязи между языками, которыми овладевает обучаемый. Лингвисты всегда были заинтересованы в сравнении и противопоставлении различных языковых систем, и первые новаторские работы появились в конце XIX века (James, 1981). Термин «контрастивное исследование» был придуман Уорфом в 1941 г.; до этого дисциплина называлась «сравнительная лингвистика» или «сравнительные исследования» (Fisiak, 1981).

Анализ последних исследований и публикаций. После Второй мировой войны интерес к обучению иностранным языкам в США вырос, и многие лингвисты занимались педагогически ориентированными контрастивными исследованиями, особенно в попытках предсказать трудности обучения на основе сравнения родного языка с изучаемым иностранным языком, а также с изучением двуязычия и явлений контакта с языком. Считалось, что указание на сходство двух сравниваемых языков облегчит процесс обучения иностранному языку для учащегося. Наиболее важным вкладом в области контрастивных исследований (Fisiak, 1981, James, 1981, Krzeszowski, 1990) считается формулировка Роберта Ладо «Гипотеза контрастивного анализа» в его лингвистике по культурам (1957 г.). Гипотеза контрастивного анализа (далее – САН) была широко принята в 1950-х и 1960-х гг. в США, и ее первоначальная цель была чисто педагогической. Методом обучения, который использовал САН как свою теорию обучения, был аудиалингвальный метод.

Цель статьи – анализ проблемы психологических основ обучения языку в научной литературе.

Изложение основного материала. Основываясь на бихевиористских и структуралистских теориях, главное предположение для этой гипотезы заключалось в том, что «основным препятствием для второго приобретения языка является интерференция первой языковой системы со второй языковой системой...» и

«...что второе изучение языка в основном связано с преодолением различия между двумя лингвистическими системами – родным и целевым языками». Термин «помеха» здесь означает «любое влияние от L1, что повлияло бы на приобретение L2» (Powell, 1998).

Предположения о помехах L1 подтверждались доказательствами работы докладчиков на их втором языке. Как утверждает Браун, «довольно часто, например, обнаруживаются определенные иностранные акценты и могут быть выведены из речи только учащегося, с учетом места, откуда ученик родом».

При изучении первичного языка очень важно составлять неоконченные предложения на основе средств, у которых известно окончание с точки зрения запоминания, поиска и применения. Креативность естественного языка – это наиболее обсуждаемый предмет имманентной грамматики. Творчество – это способность делать бесконечные выражения, используя элементы, у которых известны окончания, а также выражения языка и правила для их исправления [8, с. 21]. Таким образом, на начальном этапе изучения языка языковые единицы и их правила сочетания различаются, и на этой основе можно сделать бесконечное количество новообразований [8, с. 21].

Одной из труднейших проблем изучения языка является разнообразие взаимосвязей между синтаксическими структурами и смысловыми значениями. Следующие предложения на английском языке интересны для изучения в этом отношении:

1. “Jack reads a crimi” (Джек читает криминальное произведение).
2. “Mary got a flower” (Мария купила цветы).
3. “The flower is erqickt” (Цветок завял).
4. “The knife slides not good” (Нож плохо режет).
5. “The book is full of cillerdrams” (Книга полна драмами палача).
6. “It rains” (Идет дождь).
7. “Mary gives Jack a book” (Мария дает книгу Джеку).
8. “Jack got from Mary a book” (Джек взял у Марии книгу).
9. “A book got Mary from Jack” (Мария взяла у Джека книгу).
10. “London is in Europe” (Лондон находится в Европе).
11. “In Europe has London borders” (Границы Европы замыкаются Лондоном).

В первых пяти предложениях подлежащее находится в начале предложения. 1 – субъект – agens, 2 – resipiens, 3 – pasiens, 4 – instrument, 5 – tema; 6 – у подлежащего нет никакой семантической роли; 7 и 8 – здесь, в зависимости от глагола, подлежащее и сказуемое меняются местами; 9 – подлежащее находится в конце предложения; 10 – слово, обозначающее пространство, употреблено в начале предложения. Перечисленные выше предложения с точки зрения правил грамматики современного английского языка составлены правильно. Однако в 11-м предложении строй не может считаться правильным с точки зрения правил английской грамматики.

Приведение данных примеров служит цели прояснить один момент. На что опирается изучающий язык, выбирая одну из вышеприведенных моделей? Выше шел разговор о взаимосвязи языковых явлений. Однако следует обратить внимание также на то, как формируется предложение и предшествующая структура целого.

Среди обсуждаемых моделей наиболее привлекает внимание именно модель ассоциации. Рассмотрим вопрос грамматики, определяемой как психологическая реальность. С этой целью обратимся к концепции порождающей грамматики Н. Хомского.

Н. Хомский в своих произведениях рассматривал соотношение изучения языка с науками о мозге; он исследовал, в частности, перспективы для интеграции и унификации абстрактных вычислительных моделей, разработанных когнитивными науками, с изучением физических субстрат языка и познания. Предварительная версия этого текста была прочитана Хомским в качестве пленарной лекции на Европейской конференции по когнитивной науке (Санта Мария делла Скала, Сиена, 30 октября 1999 г.); те же проблемы были рассмотрены в несколько более общих условиях в публичной лекции «Язык и остальной мир» (Университет Сиены, 16 ноября 1999 г.).

Н. Хомский обращается к следующему предложению: “Green ideas sleep furiously” (Зеленые идеи свирепо спали); “Furiously ideas slept green” (Свирепые идеи зеленым образом спали).

Каждое из этих предложений бессмысленно. Первое из них правильно оформлено в грамматическом отношении. Н. Хомский пишет, что уровень грамматичности есть такой критерий, который определяет степень дальности одного выражения от совершенно правильно построенного предложения [7, с. 5–45].

Сущность порождающей грамматики Н. Хомского как раз в этом и состоит. В то время, когда он поднимал на новую высоту роль синтаксиса в мировом языкознании, Н. Хомский выступил в 1962 г. на IX Международном Конгрессе лингвистов с докладом «Логические основы лингвистической теории» (объем доклада составил 65 страниц в то время, когда остальные были по 10–20 страниц). В этом докладе Н. Хомский так озвучил один из основных вопросов теоретической лингвистики: каждый, кто говорит на своем родном языке, может произносить столько новых предложений, сколько хочет; слушающий же все это поймет, даже если он их ранее не слышал [7, с. 914]. Н. Хомский в своем докладе уделил большое внимание творчеству Х. Пауля, В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра. Он также использовал термины «creativity» (творчество) и «linguistic intuition of speaker» (лингвистическая интуиция оратора), которые считались в американской лингвистике ненаучными. Н. Хомский назвал анализ непосредственно компонентов в виде таксономической модели явно ограниченной. Он требовал, чтобы в языкознании был высокий уровень языковой ясности (higher standards of explicitness).

Для этого он выдвинул три правила.

1. Во «внутренней структуре» в этом смысле есть разница, но это разнообразие не объясняется явным разнообразием отдельных элементов. Это похоже на образование предложений из воспринимаемых предложений той же конструкции. Например, “John is easy to please” (Джону угодить (или договориться с ним) просто). “John is eager to please” (Джон пытается угодить другим). Это предложения с такой же структурой: «Он добрался благополучно» = «он добрался, жив и здоров» или «Он добрался, и это – счастье».

2. Основная идея заключается в том, что большинство предложений понимается в их структуре, легко понимается, даже если они кажутся последовательными преобразованиями из имеющихся в настоящее время общих предложений (или типов предложений), а не только потому, что сами они не строят новые конструкции из существующих частей. Отсюда понятен смысл термина «трансформационная грамматика». Согласно этому абзацу, Н. Хомский близок к «паттернам» Палмера и Хорнби и немецкому «Satzbauplan» Л. Висгербера, то есть большинство предложений не составлены из отдельных «предметов», они есть трансформация основных (ядерных) предложений.

3. Можно понимать или писать грамматически правильные предложения для всех предложений на одном языке, понимать или записывать их как последовательность структурных форм, понимая и формулируя все конкретные структуры предложений, и на этой основе они понимаются. Н. Хомский, исходя из этого понимания, составил план на основе математических правил для производной грамматики. Он хотел открыть и показать психические процессы, которые имели место в развитии языка, т. е. показать, как «грамматически правильные предложения» были поняты. Этот подход близок к смыслонаправленному направлению в языке Л. Вайссерберга.

Выводы. Теория, т. е. грамматика, должна определять общие правила для разработки конкретных языковых инструментов. Это происходит через замены и изменения. Например: “Johns eagerness to please” (лишь “Johns easiness to please”). Суперфициальное -i (superficial) Н. Хомского соответствует морфологической структуре поверхностной (поверхностной, лишь грамматической структуре) морфоструктуры Г. Глинса, а глубинная структура (deepstructure) (нижний слой, специфическая семантическая структура) соответствует его номоструктуре. Н. Хомский просто говорит об этом более четко и конкретно. Он так пишет о верхних и нижних слоях предложения: «Короче говоря, язык имеет как внутренние, так и внешние аспекты. Предложение надо анализировать так, чтобы понять, как здесь выражается мысль, каково физическое строение предложения, то есть изучить его с точки зрения семантической и фонетической интерпретации» [7, с. 47]. Он использует современные термины, чтобы отличить верхнюю часть предложения от нижнего слоя, который является субстратом, и составляет основу промежуточного итога, он отвечает за его семантическую интерпретацию, а верхний уровень обеспечивает фонетическую интерпретацию физического существования предложения [7, с. 47].

Н. Хомский пишет, что верхний слой, который выражает смысл, уникален для всех языков, а подслои просто отражают форму мысли. Правила преобразования, которые меняют верхний слой в субстрат, меняются от языка к языку. Все это Н. Хомский стремится показать на примере главных и придаточных частей предложений в «Грамматике Пор-Рояля», при этом он для доказательства обращается к определительному придаточному предложению как синтаксическим целым. Н. Хомский суммирует проблему, заключающуюся в том, что понятие трансформации производной грамматики формулируется и интерпретируется в сегодняшних работах, по существу, в современной и ясной версии теории «Пор-Рояля» [7, с. 53].

Во втором случае Н. Хомский ближе к Европе, особенно к исследованиям на немецком языке. Здесь он не изображает большинство предложений как «предметы» (items), а вместо этого интерпретирует их как преобразования ядра («kernel sentences»), это же соответствует понятию «patterns» английских исследователей

Палмера и Хорнби и «Satzbaupläne» Л. Уэйзерберга. Х. Глинс также не утверждает, что предложение «установлено» членами предложения и словами последнего. Вместо этого он настаивает на том, что члены предложения были полностью сформированы из целых предложений, а слова – из членов предложения. Его «основные ментальные модели» всегда следует понимать как «открытый план» («erschließender geistiger Hintergrund»), а не «структурные элементы» («Aufbau-Elemente»), хотя Г. Глинс в значительной степени неправильно понял, в его концепции есть неувязки. Разница в морфосфере (чисто грамматически структурированная) у Г. Глинса отличалась от номосферы (специфическая, реалистичная структура). Это было отражено в 1957 г., а затем в 1965 г. в 4-м издании «Deutscher Satz» [11, с. 187–188]. Сегодня ментальные модели не подразделяются на подвидные области, а отмечаются в области субсемантических явлений. Это не мешает их эффективности, поскольку субсемантические явления важны как номосемантические факторы.

Литература:

1. Абдуллаев А. Современный азербайджанский язык. Часть IV. Синтаксис / А. Абдуллаев, Ю. Сеидов, А. Гасанов, К. Велиев. – Баку : изд. Бакгосуниверситета, 1983. – 472 с. (на азерб. языке).
2. Трубецкой Н. Основы фонологии. Перевод с немецкого / Н. Трубецкой. – Баку : Мутарджим, 2011. – 385 с. (на азерб. языке).
3. Вейсалли Ф. Введение в немецкую грамматику / Ф. Вейсалли. – Баку : Мутарджим, 2011. – 405 с. (на азерб. языке).
4. Антипова А. Система английской речевой интонации / А. Антипова. – М. : Высшая школа, 1979. – 132 с.
5. Брызгунова Е. Фонологический метод интонации / Е. Брызгунова // Интонация. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 18–33.
6. Вейсалова Д. Просодия служебных слов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Вейсалова. – Баку, 1979. – 22 с.
7. Chomsky N. Cartesianische Linguistik. Ein Kapitel in der Geschichte des Rationalismus / N. Chomsky. – М., Niemeyer Verlag, 1971. – 126 p.
8. Chomsky N. On Nature and Language. Cambridge University Press / N. Chomsky. – 2002. – 206 p.

9. Normann H. Psychologie der Sprache Springer / H. Normann. – Verlag Berlin, Heidelberg, New York. – 395 p.
10. James C. Contrastive Analysis / C. James. – London : Longman. 1980. – S. 11.
11. Glinz H. Deutsche Syntax / H. Glinz. – 1965.

Курбанова Л. К. Проблема психологічних основ навчання мови в науковій літературі

Анотація. У статті розглядаються питання психології мови, що розробляються протягом останнього століття. Зокрема, аналізуються ідеї Н. Хомського про вивчення мови як природного об'єкта, когнітивної здатності, яка є частиною біологічного запасу нашого виду, фізично представленою в мозку людини й доступною для вивчення в рамках керівних принципів природничих наук. У цій перспективі, введеній ранніми працями Хомського, а потім розвиненій науковим співтовариством, теоретична лінгвістика зробила вирішальний внесок в ініціювання та формування так званої когнітивної революції в другій половині ХХ століття.

Ключові слова: контрастне мовознавство, граматики, що породжує, психологія, нижня сфера, верхня сфера.

Kurbanova L. Psychological basis problem of learning language in the scientific literature

Summary. The article reviews the issues of the psychology of language, which were developed during the last century. In particular, the article provides an analysis of N. Chomsky's ideas on the study of the language as a natural object, cognitive ability, which is part of the biological stock of our species, physically represented in the human brain and accessible for study within the guidelines of the natural sciences. In this perspective, which was introduced by the early works of Chomsky, and then developed by a growing scientific community, the theoretical linguistics made a decisive contribution to the initiation and formation of the so-called cognitive revolution in the second half of the twentieth century.

Key words: contrast linguistics, generative grammar, psychology, lower sphere, upper sphere.